

В.П. Гиндин

ПСИХОПАТОЛОГИЯ
в русской
литературе

Валерий Петрович Гиндин

Психопатология в русской литературе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12031934

В.П. Гиндин. Психопатология в русской литературе: ПЕР СЭ; Москва;

2005

ISBN 5-9292-0151-X

Аннотация

Гений и безумие, гениальность и помешательство. Эта тема в литературе советского периода практически не освещалась и, более того, была долгие годы под запретом. В русской литературе были известны психически больные Н. Гоголь, Ф. Достоевский и В. Гаршин. Автор дает развернутую трактовку диагноза этих писателей. Кроме того, автор дал патографические описания личностей А. Радищева, П. Чаадаева, М. Лермонтова, И. Тургенева и В. Маяковского. Некоторые факты психопатологического анализа носят сенсационный, а иногда и эпатажный характер. В части II приведены патографические исследования, публиковавшиеся в 20 годах XX века, А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького. Патографический очерк о А. Чехове приведен с разрешения автора М. Е. Бурно. Книга представит интерес для литературоведов, психиатров,

психологов, психотерапевтов, студентов и врачей, изучающих курс психиатрии.

Содержание

Предисловие	6
От автора	8
Литература	17
Часть I	18
Глава I	18
Литература	35
Глава II	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

В. П. Гиндин
Психопатология в
русской литературе

*Марку Евгеньевичу Бурно, профессору, с
благодарностью.*

© В. П. Гиндин, 2005

© ООО «ПЕР СЭ», 2005

Предисловие

Перед вами, читатель, необычная книга. Написанная живым и увлекательным языком, она повествует о потаенных от широкой публики сторонах личности всеми нами любимых русских писателей и поэтов. Зачем, спросит читатель, автору потребовалось копаться в тайниках, иногда неприглядных, душ давно умерших гениев? Что с того, что мы узнаем о страшном «подполье» Достоевского или подлых поступках Лермонтова, или о нетрадиционной ориентации Чаадаева. Но ведь каждый психопатологический штрих в личности гения позволяет рассматривать его творчество не только с литературной точки зрения, но и с позиций психопатологии. Литературоведческие работы советского периода стыдливо умалчивали о каких бы то ни было отклонениях в психике русских литераторов, советские психиатры также молчали. Счастливым исключением явились давние работы профессоров Личко и Мелехова, посвященные клиническому анализу психопатологии Гоголя и Достоевского.

Автор книги Омский психиатр, психотерапевт европейского регистра Валерий Гиндин совершил колоссальный труд, проанализировав огромное число мемуарных, литературоведческих и медико-психиатрических публикаций и дал собственный психопатологический анализ личностей русских литераторов, положив тем самым начало возрождению

патографии, основательно забытой с 20-х годов 20 века.

Некоторые выводы автора носят дискуссионный характер, с некоторыми выводами может и нельзя согласиться вовсе, но в целом, книга носит познавательный характер и может явиться не только ценным пособием для психотерапевтов, использующих метод «психотерапии творческим самовыражением» профессора М. Е. Бурно, но и для преподавателей курса психиатрии и медицинской психологии но и для студентов профильных специальностей и для широкого круга читателей.

*Вице-президент Всемирного Совета по психотерапии
президент Профессиональной психотерапевтической Лиги
России, доктор медицинских наук, профессор В. В. Макаров*

От автора

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!*

Беранже

Читатель, ознакомившись с оглавлением этой книги, может прийти в изумление и негодование: «Зачем автору понадобилось ворошить души давно умерших гениев, зачем вытаскивать на всеобщее обозрение потаенные стороны их жизни, зачем открыто обсуждать то, что подлежит компетенции врачей-психиатров?» И, даже, если природа «наградила» Лермонтова ядовито-желчным характером, а Достоевского – припадками и перверсиями, Гоголя – психической болезнью и т. д., то от этого они менее любимыми для нас, их далеких потомков, не станут.

Как бриллиант ни поворачивай к свету, часть граней будут молчать, оставаясь немymi, но от этого бриллиант не перестанет быть таковым.

В психиатрической литературе достаточно полно проведен патографический анализ жизни и творчества Достоевского и Гоголя. Ему посвятили свои работы Ломброзо, Кречмер, в дореволюционный период профессор Чиж, позднее

профессоры Мелехов, Личко.

Психоаналитическую картину личности Чехова дал профессор М. Е. Бурно.

Что такое патография?

В «Толковом словаре психиатрических терминов» патография – есть «изучение творчества писателей, поэтов, художников, мыслителей с целью оценки личности автора, как психически больного». Профессор М. Е. Бурно основоположник «Психотерапии творческим самовыражением», считает, что «патография есть область клинической психотерапии, исследующая процесс лечения незаурядным творчеством, то есть изучающая лечебное творчество одаренных людей, творчество, сообразное душевным духовным особенностям творца».

В 1925–1930 гг. под редакцией Г. В. Сегалина издавался «Клинический архив гениальности и одаренности», в котором патографическому анализу были подвергнуты Пушкин, Толстой, Тургенев, Горький, Короленко, а также некоторые иностранные авторы.

Г. В. Сегалин обозначил эти патографические изыскания термином эвропатология (от греч. – *Euro* – «Эврика» – находение, находка). «Назвав наш архив, как архив «эвропатологии», – пишет Г. В. Сегалин, – «мы этим подчеркиваем специфический характер этой патологии и считаем, что эта отрасль психопатологии имеет право на существование и развитие, точно так же, как, скажем, судебная психиатрия,

школьная, дефективная психопатология и проч».

С 30-х годов прошлого века эти работы не переиздавались.

Вообще какие бы то ни было отклонения в психике русских литераторов, умалчивались. Не переиздавались работы профессора-психиатра В. Чижа о Гоголе, Достоевском, Тургеневе, Пушкине, под запретом была работа профессора Д. Е. Мелехова о Гоголе. «Национальная гордость великороссов» не могла быть ущербной. Так гласила коммунистическая идеология. Всякие, даже ничтожные попытки рассказать о великих нелицеприятную правду, пресекались грозным окриком цензора: «Не смей трогать грязными руками святую память о имярек...»

И вот теперь, когда гласность достигла вселенских масштабов, когда можешь говорить и писать, что хочешь, я взял на себя смелость провести патографические исследования жизни и творчества Радищева, Чаадаева, Тургенева, Лермонтова, Маяковского...

Что касается Достоевского, Гоголя, Гаршина, то здесь диагноз психического заболевания не вызывает сомнений, остается только решить вопрос в рамках какой нозологии их рассматривать.

Психиатры спорят о форме эпилепсии Достоевского и были ли судорожные пароксизмы у него проявлением эпилепсии. Некоторые утверждают, что никакой эпилепсии у Достоевского не было вообще. В отношении болезни Гоголя

также существуют различные суждения, одни говорят, что Гоголь был болен шизофренией, другие относят его болезнь к циклофрении, третьи – называют инволюционный психоз.

У Гаршина тоже диагноз варьирует от циркулярного до шизо-аффективного психоза.

При анализе психопатологической картины, имевшей место у названных писателей я, ни в коей мере, не пытался найти истину, я только сопоставил различные мнения, а вывод пусть делает сам читатель.

Очень трудная задача была дать психопатологический анализ личности Лермонтова и Маяковского.

Ни тот, ни другой поэт не страдали психическими заболеваниями, но имели значительные личностные отклонения от нормы.

А что такое психическая норма? Ю. А. Александровский пишет: «Говорить о какой-то четкой психической норме, свойственной некоему среднему человеку, очень сложно, и, вероятно, невозможно... , здоровым принято считать человека, у которого гармонично развиваются потенциальные физические и творческие силы, делающие его зрелым, работоспособным и активным членом общества». Если счастье средней нормой не усредненную, а умственно и творчески развитую личность, то так называемая «нормальность» – не что, иное, как легкая форма слабоумия.

Сколько в окружающем нас мире видим мы чудаковатых, странных людей, манерно-вычурных оригиналов, взбалмош-

ных, «полоумных», «шизанутых». Это не потенциальные пациенты психиатрических больниц, но они проявляют несомненную склонность к аффективной неустойчивости и истероидному поведению. Иметь дело с такими людьми тяжело, но без них мир был бы бесцветно-ординарен. Они не дают нам соскучиться. Безумства и чудачества гениальных людей бесчисленное количество раз описаны в литературе.

Я не буду подробно останавливаться на родственных связях между гениальностью и безумием. Можно обратиться к трудам Ч. Ломброзо и его последователей, но вспомним, что еще Платон называл творчество «бредом, даруемым нам богами».

Что же, из того, что Чехов пытался шляпой ловить солнечный луч и надеть себе его на голову вместе со шляпой, или, что Толстой разговаривал с ящерицами, или Лесков, прислушивался к звуку падающей на фарфор ваты, как описывает это М. Горький, считать их безумными?

Профессор М. Е. Бурно пишет: «Не разлюбим тех кого полюбили, если узнаем подробно их душевный склад, потому, что любой не слабоумный не разрушившийся личностно человек бездонен – неповторим, таинственно сложен своей душевной духовной особенностью под знаком какого-то характера».

Почему мой выбор врача-психиатра пал на исследование психопатологии писателей и поэтов?

Э. Кречмер пишет, что «в исследованиях гениальности

предпочтение всегда отдается поэтам и вообще литературно-продуктивным людям, а это объясняется не их духовным превосходством над другими группами творцов, а очевидным специфическим богатством, сохраняющихся во времени оригинальных психологических документов, дающих нам в руки прямые и косвенные самовыражения поэта, у которого манера письма намного более субъективно связана с личностью автора, чем у ученого, и намного легче трактуема, чем выразительные средства художника или музыканта».

Еще раньше Э. Кречмера эту же мысль высказал известный русский психиатр, приват-доцент Казанского университета Б. И. Воротынский в публичной лекции 31 июля 1898 года, читанной в г. Тобольске: «...существует мнение, что выдающиеся мыслители, великие писатели и художники нередко изучают свои собственные страсти и недостатки, чтобы затем рельефнее их изобразить, ярче представить в своих произведениях».

А. П. Чехов по этому же поводу очень образно и ярко заметил: «Настоящий писатель – это то же, что древний пророк – он видит яснее, чем обычные люди».

А как же быть психиатру?

С одной стороны чрезвычайно интимные, иногда неприглядно-темные стороны жизни гения, обнародовав которые можно стать клятвопреступником, нарушившим клятву Гиппократова о врачебной тайне, с другой стороны клинико-психопатологический анализ жизни и творчества гениев

не может быть изолирован в торичеселлевой пустоте, не может явиться предметом потребления, по выражению провизоров – *pro te*.

Диагностика психического заболевания при манифестных проявлениях болезни как будто не трудна – «чокнутый», «шизик», «крыша едет» – все эти банально-вульгарные обозначения краевой или ярко выраженной психической патологии заставляют думать, что любой человек может отделить психическую патологию от нормы.

Но это только на первый взгляд.

Истина же состоит в том, что определить диагноз психического заболевания дело, по меньшей мере, многотрудное, а чаще и скорбное, иногда налагающее несмываемую печать на дальнейшую жизнь и судьбу пациента. Здесь все важно – детство, привычки, поведение, сексуальная жизнь, отношение к близким, трудоспособность, армейская служба, вредные привычки и т. д. Так по «камушкам», да по «кирпичикам» собирает психиатр и фундамент, и все надстройки психиатрического диагноза.

При исследовании патологических отклонений личности великих, ныне покойных, литераторов мы лишены живого с ними общения.

Но нам остаются их биографии свидетельства современников и литературные произведения, в которых как через «магический кристалл» высвечиваются новые грани личности творца.

По человечески понятно противостояние панегиристов и апологетов гения, фактам, рисующим личность литератора в неприглядном свете. Они называют это «очернительством» памяти великого поэта или писателя. Известный психиатр, историк и публицист М. Буянов так пишет по этому поводу: «... Словно желая загладить свою вину перед гениями, униженными при жизни и доводимыми или доводящими себя до быстрой смерти, потомки хотят это забыть и обрушиваются на всякого, кто напоминает им о том, как несправедливо, немилосердно, придирчиво злобно они относились к живому гению, боготворя его после смерти».

Владислав Ходасевич, создавая литературный портрет Андрея Белого, писал тоже: «Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны, потому, что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому, что нет ничего выше истины».

Мой труд имеет следующую структуру: предисловие, первая и вторая часть, послесловие, краткий словарь психиатрических, медицинских и других терминов, содержание.

Первая часть – портреты. Это мои собственные патогRAFические изыскания – портреты Радищева, Чаадаева, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гаршина, Маяковского.

Вторая часть – эскизы. В нее включены работы, опубликованные в «Клиническом архиве гениальности и одаренности», – они касаются патографии Пушкина, Толстого, Горького. С любезного разрешения профессора М. Е. Бурно здесь же публикуется его статья о Чехове.

Предисловие и каждая глава первой части снабжены указателем цитированной литературы и персоналией.

Литература

1. Ашукин И. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: М., 1955
2. Бурно М. Е. Сила слабых. М., 1999. с, 52.
3. Он же. Клиническая психотерапия М., 2000 г.
4. Буянов М. Лики великих или знаменитые безумцы М., 1994 г.
5. Воротынский Б. И. Гениальность, психическая неуравновешенность и преступность. Казань, 1898 г. с.22.
6. В мире мудрых мыслей М., 1962, с. 268, 273.
7. Горький А. М. Люди наедине сами с собою. Собрание сочинений в 30 т., т.15. с.280.
8. Грицак Е. тайна безумия. М., 2003 г. с.229.
9. Кречмер Э. Гениальные люди. СПб, 1999 с.10.
10. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981 г. с. 16, 17.
11. Сегалин Г. В. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии) Л., 1925 г., т. I, вып. I, 3.
12. Чхартишвили Г. Ш. Писатель и самоубийство М., 2001 г. с. 400–401.

Часть I

Портреты

Глава I

Русский вольтерьянец и «царская водка»

Торжество разума в том и состоит, чтобы уживаться с людьми, не имеющими его.

Вольтер

О чем думал Александр Радищев, глядя на бескрайние заснеженные поля Сибири? Путь до Илимского острога был холоден и бесконечен, как и его заледеневшие душа и мысли. Что виделось ему? Пажеский корпус, служба в Сенате или череда прелестниц, замороженных его прекрасными карими глазами? А может быть ужас другого путешествия, за описание которого он сейчас так страшно расплывается?

И невольно возникали страдальческие рифмы, под завывание степного ветра и метель, бьющую в окно арестантской кибитки.

*Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду? —
Я то же, что и был, и буду весь мой век:*

*Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах.
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.*

Да, матушка – государыня Императрица Екатерина II постаралась до конца расчитаться с распространителем «французской заразы» – идеями французских энциклопедистов, хотя и состояла в обстоятельной эпистолярной переписке с Вольтером. Его знаменитый афоризм: «Благими намерениями устлана дорога в ад», как нельзя соответствует ситуации Пугачевского бунта и ада творимого его разбойниками. А все ведь началось с благих попыток Екатерины внедрить идеи французских просветителей в русское общество.

Да не случилось. А случился «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», поставивший на грань краха царствование «сиятельной императрикс». А Радищев – «этот бунтовщик хуже Пугачева» посмел в своем памфлете обвинить матушку во всех смертных грехах и поставить под сомнение смысл ее царствования!

Да и сам эпиграф к возмутительной книге не мог не вызвать гнева императрицы. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» – этот эпиграф был выбран Радищевым не случайно. В песне XVIII поэмы В. К. Тредиаковского «Телемахида» описано посещение героем поэмы Телемаком подземного царства Тартар, где подвергаются в наказание за

свои злодеяния адским мучениям цари «употреблявшие во зло свое на престолах могутство...»

Цари эти были гнуснее и страшнее, чем самые страшные чудовища мифологии, страшнее, чем адский пес Цербер – толстый, круглый (облый), озорной (большой), огромный, с тризевойной (три пасти) и лайя (лающее).

Именно это адское чудовище Радищев использовал как аллегорическое олицетворение царизма и даже усилил образ «чудища», снабдив его вместо трех – ста пастями. Схожий образ несколько раз используется Радищевым в самом «Путешествии» (например, в главе «Хотиллов»: «стоглавое чудовище» – о крепостном рабстве; в оде «Вольность»: «И се чудовище ужасно, как гидра сто имея глав...» – о церкви), «Спасская Полесь» – злая уничтожающая критика царствования Екатерины II.

Как могла императрица и, прежде всего женщина, спокойно снести сравнение с толстой, злобной лающей собакой?

«Тщеславие доводило Екатерину, от природы умную женщину, до умопомрачения, делавшего ее игрушкой в руках ловких и даже глупых льстецов, умевших пользоваться ее слабостями», – пишет В. О. Ключевский, – «и она не приказывала выталкивать из своего кабинета министра, в глаза говорившего ей, что она премудрее самого господа Бога».

Расплата не замедлила явиться – 30 июня 1790 года за напечатание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую кре-

пость.

Сама же императрица писала в своих заметках на книге: «Сочинитель сей книги наполнен и заражен французскими заблуждениями, всячески ищет умалить почтение к власти».

На суде 24/VI – 1790 г. Радищев был психологически сломлен, он отрекся от своей книги, признал себя «преступным», а книгу «пагубной, наполненной гнусными, дерзкими и развратными выражениями», и что написал он ее «по сумасшествию».

Тем не менее, уголовный суд приговорил Радищева к смертной казни посредством отсечения головы. Екатерина, непонятно чем побуждаемая, но, изыскавшая глупейший повод, 4 сентября издала именной Указ Сенату: «Ввиду мира со Швецией, заменить казнь Радищеву десятилетней ссылкой в Илимский острог».

Что же предшествовало отречению Радищева от своего программного труда?

Да, видимо, то, что двигало несгибаемых большевиков-ленинцев Тухачевского, Уборевича, Якира на следствии 1937 года сговорить себя в связях с иностранными разведками – страх, страх за свою жизнь, заканчивающуюся в невыносимых мучениях, за жизнь своих близких.

Двумястами годами раньше Радищев тоже перенес ужас заточения в Петропавловскую крепость, но не самого по себе этого факта, а факта попадания в полную власть оберсекретаря тайной экспедиции С. И. Шешковского. Этот моз-

глявый старик с женоподобным, похожим на пухлый блин, безбровым лицом, на тонкой шее, бугристым лбом наливающимся в гнев кровью, наводил ужас на подсудимых, а особенно его толстая палка, намеренно выставляемая в углу на показ, которой Шешковский одним ударом выбивал у заключенных все зубы.

И хотя к Радищеву в крепости никаких «пристрастных методов допроса» не применялось, но одно сознание того, что они в любой момент могут быть применены, повергало его в ужас и уныние. Ведь за 15 лет до этого «знатный кнутобоец», которому, по-видимому, не давали покоя лавры его далекого предшественника Малюты Скуратова, жег, резал и вздергивал на дыбу «разбойника» Пугачева, и Радищев знал об этом. Он, почти ежедневно в течение 2-х недель приводимый на допросы к Шешковскому, видел эту сучковатую палицу, стоящую в углу допросной комнаты, с ужасом ожидая, что она в любой момент может быть пущена в ход.

В каком же трагическом состоянии находилась душа Радищева свидетельствует его письмо, написанное в крепости: «Тело и душа изнемогать начинают, надежда, сие усладительное чувство, надежда видеть мое плачевное семейство начинает, постепенно исчезать в томном сердце и уже исчезла. Я чувствую, я один».

Такой мощный психологический гнет заставил этого душевно-мягкого человека, с задумчивым взглядом темных пронизательных глаз под удивленно выгнутыми бровями,

человека нрава прямого и пылкого, умевшего сносить горести со стоической твердостью, чуждого лести, непоколебимого в дружбе и не помнящего зла, отречься от своего труда.

Сорок три дня провел он в крепости, ожидая казни, и в минуты отчаяния грыз свою серебряную ложку – на ней остались следы зубов.

При объявлении Радищеву приговора он потерял сознание, и окружающие увидели, как мгновенно его голова стала белой.

Но вернемся на несколько десятилетий назад.

Сын богатого помещика, бывший паж, получивший по воле императрицы высшее образование в Лейпцигском Университете, Радищев пренебрег служебным положением, благополучием и карьерой, явно не оправдав надежд, которые возлагал на него двор.

Прослужив недолго в Сенате, затем – в годы восстания Пугачева – в штабе Финляндской дивизии и, выйдя в 1775 году в отставку в чине секунд-майора, он в 1777 г. поступил ассессором на службу в Коммерц-коллегию, а в 1790 г. был назначен управляющим Петербургской таможенной. В период 1783–90 гг. длившийся 7 лет, началу которому послужила смерть горячо любимой жены А. В. Рубановской, Радищев пережил глубокое душевное потрясение, это состояние нашло свое отражение в стихотворении «Эпитафия».

«О! если то не ложно, что мы по смерти будем жить»;

*Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни, в тоске препровождая,
Я смерти ждущу, как брачна дня; умру и горести забуду.
В объятиях твоих я паки счастлив буду,
Но если ж то мечте, что сердцу льстит маня
И ненавистный рок отъял тебя навеки
Тогда отрады нет, да льются слезы реки...
Тронись, любезная! Стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
Не можешь, коль пройти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утеши тем супруга».*

«Смерть жены моей погрузила меня в печаль и уныние и на время отвлекла разум мой от всякого упражнения», – вспоминает он семь лет спустя.

С этого времени мысли о смерти постоянно звучат в творчестве Радищева.

В «Путешествии» он пишет фактически программное заявление:

«... Если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведена до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же объяти у тебя тещется – умри».

Тогда же у Радищева впервые появляются приступы ка-

кой-то болезни, преследующие его вплоть до смерти и сопровождающиеся пульсирующей головной болью, бледностью или покраснением лица, усиленным потоотделением, чувством дурноты, тошнотой.

Душевное состояние Радищева не могло быть незамеченным со стороны. Его друг и шеф граф А. Р. Воронцов в письме к своему брату Семену, русскому посланнику в Лондоне, с грустью писал: «... Я только, что потерял, правда, в гражданском смысле, человека (Радищева – курс. мой В. Г.) пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы... Кроме того он исключительно замкнут последние семь или восемь лет».

Возможно, что личное горе заставило Радищева замкнуться и в полной отрешенности от всего написать дерзновенную, вольнолюбивую и человечную книгу. Не было ли это проявлением некоей жизненной миссии, воплощаемой даже при условии, если ценой его подвигу будет жизнь?

Странно, что никто кроме Г. Шторма не обратил внимание на строки в конце второй главы «Путешествия»: «Отче всеблагий, неужели отвратишь взоры свои от скончающегося бедственное житие свое мужественно. Тебе, источнику всех благ приносится сия жертва», – восклицает Путешественник, сие Радищев. Значит, Александр Николаевич предвидел ужасную расплату за свой труд, но, тем не менее, принес себя в жертву призрачным идеалам.

Но далеко не всем пришлась по душе книга Радище-

ва. Даже через 34 года после смерти писателя в 1836 году наш великий А. Пушкин пишет уничтожающий биографический очерк об авторе «Путешествия». Среди современников Пушкина ходили слухи, что этот очерк был заказным, в целях возродить к жизни имя Радищева, которое находилось под запретом.

Может быть и так, но какой ценой?

Неужели и здесь топчась на могиле писателя, следовало провозгласить, что цель оправдывает средства?

А. С. Пушкин считает книгу Радищева преступлением, это действие сумасшедшего: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!» И далее Пушкин пишет, что Радищев один, что у него нет ни товарищей, ни соумышленников, в случае неуспеха он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону.

По словам А. Пушкина: «Радищев – сочинитель посредственной книги, написанной варварским слогом жеманной, надутой, чрезвычайно смешной, набитой пошлостями: сочинитель, в котором отразилась вся французская философия его века, но так, как предметы в кривом зеркале; представитель полупросвещения, с невежественным презрением ко всему прошедшему, с поверхностными сведениями наобум, приноровленных по всему».

Жестоко, очень жестоко раскритиковал Радищева наш

любимый поэт, фактически сбросив с пьедестала великого «вольтерьянца», хотя, как писал Пушкин «мы никогда его великим не считали».

Иное мнение было у современников Радищева – его учеников и последователей. Иван Пнин написал стихи на смерть Радищева, в которых он выразил безмерную скорбь: «Уста, что истину вещали, увы, навеки замолчали, и пламенник ума погас».

Иван Борн в открытом заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» прочел свои стихи и статью, посвященные памяти Радищева, в которых заявлял, что Радищев был «страдальцем правды» и утверждал, что в России «пьют патриоты смерти чашу», намекая на самоубийство писателя.

Может быть нам, воспитанникам советской эпохи, нужно иногда критически оценивать творчество великих, срывая с них, навешенные коммунистической пропагандой ярлыки?

Ну, вот опять случилось так, что В. Ульянов (Ленин) в статье «О национальной гордости великороссов» причислил А. Н. Радищева к числу первых революционеров наряду с декабристами и революционерами-разночинцами 70-х годов XIX века, а Луначарский назвал Радищева «пророком и предтечей революции». Коммунистическая идеология во всю старалась наделить Радищева демонической сверхреволюционностью, жаждой разрушения старого мира лютой ненавистью к поработителям народа. Но это в действитель-

ности далеко не так. Александр Николаевич был противоречивым человеком. Можно сказать, что он был первым диссидентом, прямо пошедшим против существующего строя.

Думаю, что А. Пушкин в той же статье высказал несправедливое суждение о том, что влияние Радищева было ничтожно, что все прочли его книгу и забыли ее. «Благоразумные мысли и благонамеренные предложения, изложенные в книге, принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в положениях, и нет истины, где нет любви» – так заканчивается статья.

Вернемся теперь к началу нашего повествования.

3 января 1792 г. А. Радищев прибывает в Илимск. Здесь он провел пять с половиной лет. Ведет активную жизнь – занимается врачебной практикой, делает операции, вводит оспопрививание. Написал философский трактат «Письма о китайском торге», и историко-биографический очерк «Слово о Ермаке». Освобожденный по указу Павла I из Илимской ссылки в 1796 г., Радищев возвращается в Россию к месту положенного ему проживания в родовое имение Немцово Калужской губернии.

По дороге домой в Тобольске 7 апреля 1797 умирает от пневмонии вторая жена (свояченица) Радищева Елизавета Рубановская.

Мать его троих детей и друг умирала тяжело, на глазах мужа, без надлежащего врачебного действия.

Физически и душевно измученный, находясь под тайным надзором полиции, Радищев так описывает свою жизнь того периода (письмо к А. Р. Воронцову 21 сентября 1797 года):

«... Согласитесь, что человек смешное, очень странное существо, он плачет утром, смеется вечером, хотя в положении его ничто не изменилось; иногда он и с места не сдвинулся, а сидит в своем кресле в колпаке и ночных туфлях. Да я был таков, каким только, что изобразил себя, плакал утром и смеялся вечером, как безумец, а меж тем я уже не смеялся – я разумею от веселия сердца – с Тобольска, со времени разлучения с моей доброй подругой, хотя я имею все основания на свете быть более веселым вследствие благости нашего всемилостивейшего императора».

И далее в письме от 8 марта 1799 года Радищев так себя характеризует:

«Я весьма странное существо. Возвращенный домой из глубин Сибири, спокойный во всех отношениях, я толстел, дни мои начинались и кончались один, как другой, но разум мой был мертвенным, а угнетенная душа моя билась в своей стихии, как утопающий бьется в воде...

Вот каков я был, вот каков я ныне: веселее, когда у меня больше огорчений, угрюмее, когда я слишком спокоен...»

15 марта 1801 г. Александр I издает Манифест, по которому освобождалось от наказаний 156 лиц, пострадавших в предыдущие два царствования.

В одном из списков наказанных значился и Радищев.

Освободившись из ссылки в Немцове, писатель переезжает в Петербург, где определяется членом комиссии Сената по сочинению законов. Но ни один из законов, составленных Радищевым, не получил ни малейшего движения.

По свидетельству его сослуживца – Ильинского, Радищев неизменно был «мыслей вольных и на все взирал с критикой... при каждом заключении ... прилагал свое мнение основываясь единственно на философском свободомыслии».

2 сентября 1802 года за 10 дней до смерти Радищева граф Завадовский, непосредственный его начальник шутиливо намекнул писателю на «молодость его седин, и что «одной Сибири» видимо мало». Это заявление Радищев воспринял, как решение вновь отправить его в ссылку.

В страшном смятении чувств Александр Николаевич возвращается домой, отчаяние и ужас переполняют его сердце. Он крайне напуган, мечется по комнатам, говорит, что «до него добираются». Несколько успокоившись, Радищев слег в постель. Старший сын свидетельствует: «Здоровье ему изменило, он стал чувствовать беспрестанно увеличивающуюся слабость... буквально таял на глазах, изнемогал, сделался, задумчив, стал беспрестанно тревожиться». Лечил его штаб-лекарь Придворной конюшенной конторы Иван Гейснер, труды которого остались напрасными. В ночь с 11 на 12 сентября Александр Николаевич неожиданно выпивает стакан «крепкой» водки, приготовленной его сыном для вытравливания старой золотой канители на эполетах и, гово-

ря, что будет умирать долго и мучительно, хочет зарезаться бритвой, которую отнимает у него сын.

Покончил ли самоубийством Радищев или это можно считать несчастным случаем? Намеренно он принял яд (по одним источникам это была «крепкая водка» – селитряная азотная кислота, по другим – «царская водка» – смесь 1 части азотной кислоты с 3 частями соляной кислоты. «Царская» – растворяющая золото – «царь металлов») или ошибочно выпил этот стакан подумав, что в нем вода для запивания лекарств?

Официального медицинского заключения о смерти Радищева не сохранилось.

Но сыновья выдвигают версию о том, что отец был тяжело болен и умер от болезни. В записи о захоронении Радищева, говорится, что он умер естественной смертью, страдая чахоткою. То же самое сказано в официальной выписки о смерти Радищева, опубликованной в журнале «Литературный вестник» № 6 за 1902 год. А как следовало поступить родственникам иначе? Ведь православная церковь, считает самоубийство тяжким грехом, самоубийц не разрешали хоронить на кладбище, а только за оградой. Могли ли сыновья объявить правду о смерти отца, кроме того с риском бросить тень и на свою карьеру? Но тайна, есть тайна, теперь уже истину не восстановишь!

Первым версию о самоубийстве Радищева выдвинул А. Пушкин в том гнусном биографическом очерке, о котором

речь шла выше. С его легкой руки большевики, придя к власти в России, захлебывались от восторга, обвиняли царизм в смерти писателя-революционера. Некоторые советские исследователи полагали, что Радищев в начале XIX перенес духовный кризис, связанный, с крахом буржуазной революционной идеологии после падения якобинской диктатуры и духовный крах самого Радищева. Осудив диктатуру Робеспьера и отойдя от идей народной революции, писатель-демократ не пожелал быть участником того либерального обмана, который развертывался на его глазах после воцарения Александра I, и покончил жизнь самоубийством в 1802 году» (Е. Г. Плимак цит. по Д. Бабкину).

Вот вам нате!

Сбылось пророчество Радищева в найденной после его смерти записке: «Потомство отомстит за меня». Сбылось, но с такой разрушительной силой, с таким крушением надежд зарождавшейся в России демократии, что писатель-революционер, был бы он жив, мог написать еще один памфлет, за который потомство могло рассчитывать с ним ГУЛАГОМ, по сравнению с которым Илимский острог – это, по существу, санаторий ЦК КПСС.

А где же страдающий, измученный телесным и душевным недугом человек с его горестями, надеждами, просто человеческой слабостью?

Но, как и все 80 лет царствования большевиков идеология подменяла собой все стороны общественной и человеческой

жизни.

Пожалуй, единственный из хора коммунистических историков и литературоведов Д. Бабкин связал трагическую кончину Радищева с его длительным и тяжелым телесным недугом. Хотя и здесь не обошлось без оговорки, о том, что здоровье писателя было подорвано «бесчеловечной политикой царского самодержавия».

Так страдал ли А. Н. Радищев душевной болезнью?

Да, по видимому страдал. Не будем вдаваться в тонкости нозологические, зачем это нужно, да и никому неинтересно. Но синдромология четко и ясно определяет депрессивный характер переживаний писателя.

Первый депрессивный период возник после смерти первой жены Радищева, и длился без малого семь лет (1783–1790 гг.). Об этом ярко и убедительно свидетельствует творчество Радищева, его письма, воспоминания современников.

С этого же времени, появляются пароксизмы, которые на языке современной психиатрии можно было бы назвать диэнцефальными кризами. Эти состояния преследовали писателя до самой смерти.

Второй период, или, если хотите, аффективный кризис, наблюдается у Радищева в период нахождения в Петропавловской крепости (30 июня – 8 сентября 1790 г.). Аффекты отчаяния, безысходности, страха, ужаса перед неминуемой смертью, доходящие до состояния раптуса, обмороки, вне-

запная седина – яркие и потрясающие воображение картины.

Третий депрессивный период длится в течение 4 лет – период возвращения из Илимской ссылки вплоть до переезда в Петербург и возобновления государственной службы (1797–1801 гг.). В этот период Радищева не оставляют диэнцефальные кризы.

Четвертый депрессивный период, самый короткий длится около года с 1801 по 12 сентября 1802 года. Несмотря на активную законотворческую деятельность, общение с друзьями по «Вольному обществу», продолжение творческой работы, фон настроения Радищева остается сниженным, по всей видимости из-за нарастания соматического неблагополучия. Беседа с графом Завадовским за 10 дней до смерти вызвала аффективную паранойяльную реакцию со сверхценными идеями преследования.

На фоне нарастающего соматического неблагополучия в ночь на 12 сентября возник «*raptus melancholicus*» – взрыв тоски, повлекший принятие яда («царской водки»), а сознание тяжких предсмертных мук для облегчения страданий и попытку зарезаться.

Иного, учитывая клинические показатели болезни Радищева, ожидать и не следовало, ведь за 19 лет своей болезни Радищев пронес мысль о самоубийстве, и даже в межприступные периоды.

А. Н. Радищев оставил в памяти потомков восхищение своим патриотизмом, ненавистью к рабству и угнетению, он

до конца исповедовал свои принципы и даже в минуты человеческой слабости, оставался верен своим высоким идеалам.

Прав был И. С. Тургенев говоря: «В человеческой жизни есть мгновения перелома, мгновения, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое».

Это о А. Н. Радищеве писателе и человеке.

Литература

1. Бабкин Д. А. Н. Радищев в последний год жизни. Ж. Русская литература, 1966 г. № 1, с.125–140.
2. Граглин Н. Последний день о семье Радищева. Ж. Советская женщина, 1989, № 11, с.26–40.
3. Даль В. Словарь живого великорусского языка. Ре-принт. изд. М., 1994 г. т.1.
4. Зеньковский В. История русской философии. М., 2001 г.
5. Игнатъев А. В. С былым наедине. М., 2001 г.
6. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. М., 1989 г. т.5, с.284–285.
7. Лотман Ю. М, Собрание сочинений т.1 Тарту, 2000 г.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. 1951 г. т.7, с.350.
9. Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., 1952 г.
10. Радищев Н. А., Радищев П. А. Биография Радищева. М., 1959 г.

11. Русские портреты XVIII–XIX вв. М., 1999 г. т.3. с.510.
12. Луначарский А. В. Радищев А. Н. – первый пророк и мученик революции. Петроград, 1918 г.
13. Степанов Г. День у Шешковского М, 1987 г.
14. Светлов Л. Б. А. Н. Радищев. Критико-биографический очерк. М, 1958 г.
15. Макогоненко Г. П. А. Н. Радищев и его время. М, 1956 г.
16. Форш ОД. Радищев. Трилогия М, 1987 г.
17. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М, 2001 г., с.204.
18. Шторм Т. П. Потаенный Радищев. М, 1968 г.
19. XVIII век. Сборник АН СССР Ленинград, 1977 г.

Глава II

Загадка жизни и смерти «Императорского безумца»

Я странен?

А не странен кто ж?

А. Грибоедов. «Горе от ума»

Петр Яковлевич Чаадаев – «первый русский философ» умирал. Умирал странно и загадочно. Он просто не захотел больше жить, и сам заказал свою кончину. Так, в старину, делали святые старцы, правя себе домовину, ложась в гроб и умирая в назначенный срок.

Петр Яковлевич Чаадаев родился 27 мая 1794 г. Воспитывался в семье князей Щербатовых вместе с братом. Воспитанием занималась их тетка старая дева княжна Щербатова Анна Михайловна.

Салон, который она держала, охотно посещался видными общественными деятелями, дипломатами и писателями.

Здесь велись различные чтения, дискуссии и споры. Братья Чаадаевы получили блестящее домашнее воспитание, владели в совершенстве европейскими и древними языками. В 1808 году братья были определены в Московский универ-

ситет.

Но вот настал 1812 год. П. Я. Чаадаев оставляет учебу в Университете и, как приписной Семеновского лейб-гвардии полка выезжает в действующую армию.

С самого начала и до конца войны он сражается под Бородином и на Березине, под Кульмом и Лейпцигом.

За проявленную недюжинную храбрость Чаадаев награждается орденами Анны IV степени и Железным Крестом.

Вернувшись после победоносного похода «по Европам», Петр Яковлевич с головой окунается в водоворот светской жизни.

Федор Глинка писал о нем:

*«Одетый праздником с осанкой важной смелой,
Когда являлся он пред публикою белой
С умом блистательным своим
Смирялось все неволью перед ним».*

В Петербургском, особенно, в дамском окружении он производит неизгладимое впечатление изысканной одеждой и манерами. Непревзойденный щеголь в маске презрительного равнодушия и особой значимости, он вызывал бесчисленные пересуды о своей личности и «тайной» жизни. Дочь Н. Н. Раевского Екатерина Николаевна писала в письме: «... Петр Чаадаев был чрезвычайно замечен в Петербургском обществе. Будучи адъютантом командира гвардейского корпуса, он находился в постоянном общении с великими князья-

ми Константином и Михаилом Павловичами, оказывал ему расположение и будущий царь великий князь Николай Павлович».

Он отличался в высшем свете не гусарскими, а какими-то байроническими манерами. «Он человек своего времени, – русский барин – помещик, избалованный, изнеженный, ленивый и праздный, весь в долгу, как в шелку, смолоду красавец и щеголь, до конца дней заботится о своей наружности». «Современная кокетка, по часам просиживал за туалетом, чистил рот, ногти, притирался, мылся, холил, прискался духами», – вспоминает А. И. Тургенев. *L beau Tchaadaef* (красавчик) – называли его гвардейские офицеры.

Чаадаев пользовался ошеломляющим успехом у дам высшего света, они между собой называли Петра Яковлевича «розаном».

Он же любил похвастать интрижками, которых вовсе не имел. Ф. Вигель писал, что «никто не замечал в нем нежных чувств к прекрасному полу: сердце его было преисполнено обожания к сотворенному им из себя кумиру. Когда изредка ему случалось быть с дамами, он был только учтив».

*«Он имел одно виденье,
Непостижимое уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел»*

так отзывается о нем его любящий друг А. Пушкин. О каком виденье идет здесь речь? Ну, естественно, о спасении России. Но об этом в нашем повествовании далее.

А пока экзальтированные, писанные, по видимому, в полюбморочном состоянии, письма влюбленных дам: «...провидение вручило вам свет, слишком яркий, слишком ослепленный для наших потемок...как бы Фаворское сияние, заставляющее людей падать лицом на землю», – писала одна из них.

А другая – Авдотья Сергеевна Норова, признавалась Чаадаеву в любви: «Я хочу просить вашего благословения... Мне было бы так отрадно принять его от вас коленопреклоненной... Не удивляйтесь и не отрекайтесь от моего глубокого благоговения – вы не властны уменьшить его».

Чаадаев не разделял чувств молодой прекрасной женщины. Неразделенная любовь свела ее в могилу. Но двадцать лет спустя Чаадаев вспомнил об этой любви и завещал похоронить себя рядом с Норовой.

А пока в круговороте светского вихря, в нескончаемой череде балов, дружеских попоек летело и приближалось к краху время, отпущенное провидением блестящему флигель-адъютанту, и надежды на должность адъютанта императора разбились в прах.

Почему вдруг на высоте карьеры Чаадаев в 1820 году подает прошение об отставке, и разгневанный Александр I

немедленно подписывает прошение гвардейского ротмистра даже без пожалования следующего чина? Вот эта жгучая тайна не давала покоя современникам Чаадаева, да и нам, исследователям, живущим в нынешнем времени, тоже небезынтересна эта загадка, явившаяся неким водоразделом в ипостасях личности Петра Яковлевича, неузнаваемо изменившим его внешний и внутренний облик.

Одни историки говорят, что Чаадаев, посланный гонцом к Александру I в Тропау, где проходило совещание глав государств Священного союза, с известием о восстании в Семеновском полку, будто бы опоздал и царь получил это известие от австрийского министра Меттерниха. Другие считают, что виной этому явилось само восстание в Семеновском полку, в котором был замешан брат Чаадаева Михаил, третьи утверждают, что причиной явилась некая беседа Чаадаева с русским императором в которой, якобы, Чаадаев высказал Александру I мысли, впоследствии опубликованные в злосчастном «Философическом письме № 1».

В 1821 году полиция провела обыск в имении братьев Алексеевском. Искали бумаги, могущие пролить свет на волнения в Семеновском полку.

Эти обстоятельства произвели гнетущее впечатление на братьев.

К 1823 году душевный кризис Чаадаева усилился – его терзает скука, разочарованность. Появляются различные «болячки». Несмотря на череду развлечений, Чаадаев часто

остаётся дома из-за желудочных болей, мучительных колик. Его донимают запоры, так что без слабительного обходиться было невозможно. Петр Яковлевич сознает, что причиной хворей является его «нервическое воображение», обманывающее в собственных чувствах». Он лечится у знаменитого френолога Галла от «гипохондрии».

Узнав о глубоком духовном кризисе и тяжелой ипохондрии перед заграничным путешествием, А. Пушкин просил П. Я. Вяземского «оживить его прекрасную душу».

Да, все это так и было! Но было и другое, была одна, мягко говоря, странность, которая может нас, навести на определенные размышления о том, почему Петр Яковлевич был так непроницаемо холоден с женщинами. М. О. Гершензон утверждал, что Петр Яковлевич имел «атрофию полового чувства».

Современники Чаадаева, считают его отношения с камердинером Иваном Яковлевичем «непонятной причудой». Слуга был настоящим двойником своего барина, «одевался еще изысканнее, хотя всегда изящно, как и сам Петр Яковлевич, но все им надеванное стоило дороже».

По свидетельству Д. Н. Свербеева Чаадаев тратил значительные средства на содержание своего слуги. Современник считает, что Чаадаев, непонятно чем, руководствуясь, повсюду демонстрировал своего слугу, и непомерные расходы оправдывал содержанием камердинера.

А как можно отнести к стихам А. Пушкина, посвящен-

ным Чаадаеву (1821 г.):

*«... Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?»*

Как говорят сегодня No comment!

«В августе 1823 г. в Англии на приморском берегу возле Брайтона появился иностранец, соединявший в своей осанке торжественность епископа с безукоризненной корректностью светского человека – это был Чаадаев», – пишет О. Мандельштам, – «бежавший из России на случайном корабле с такой поспешностью, как если бы ему грозила опасность, однако без внешнего принуждения, но с твердым намерением никогда больше не возвращаться».

Больной, мнительный, причудливый пациент иностранных докторов, никогда не знавший другого общения с людьми, кроме чисто интеллектуального, скрывая даже от близких страшное смятение духа, он пришел увидеть свой Запад, царство истории и величия, родину духа, воплощенного в церкви и архитектуре».

Да, это было очень странное путешествие. О нем мало что известно. О чем думал, что переживал, на что надеялся в течение этих почти трех лет Чаадаев?

Может быть, он устал, или был «духовной жаждою томим», а может быть, вынашивал замысел, который, родив-

шись «в темную ночь» выстрелил по России и заставил ее проснуться? Таков смысл впечатления А. И. Герцена от «философического письма № 1».

Вернувшись из Путешествия за границу, осенью 1826 года Чаадаев не смог ужиться с «теткой-старухой» и переезжает в Москву. Здесь живет на разных квартирах, постоянно лечится, вступает с врачами в медицинские споры. Новые припадки ипохондрии заставили его совмещать воплощение философского замысла с изучением медицинской литературы. Брату своему М. Я. Чаадаеву он пишет: «... Я воображаю себе, с каким восхищением ты увидишь, что непременно должен ходить на двор, на горшок...», «то запор, то понос, то насилу таскаешь ноги, то бегаешь как бешеный, от тоски; сверх того случаются разные пароксизмы, припадки, от которых приходишь в совершенное расслабление...».

Чтобы систематизировать свои воззрения на бумаге, он совершенно уединяется от общества, испытывая одновременно сильнейшие приступы притихшего было раздражения против всего окружающего. Д. Н. Свербеев пишет: «Возвратясь из путешествия, Чаадаев поселился в Москве и вскоре по причинам едва ли кому известным, подверг себя добровольному затворничеству, не виделся ни с кем и, нечаянно встречаясь в ежедневных своих прогулках по городу с людьми самыми ему близкими, явно от них убегая или на двигая себе на лоб шляпу, чтобы его не узнавали».

С. П. Жихарев в письме к А. И. Тургеневу (1829 г.) сооб-

щает: «... ко мне не ходит, ни меня к себе не подпускает; да лучше сказать ни к кому и никого. Сидит один взаперти, читая и толкуя по своему Библию и отцов церкви».

Человек света и общества сделался угрюмым, нелюдимым.

Чаадаев сам признавался впоследствии, что находился тогда во «власти тягостного чувства и был близок к сумасшествию, посягая на собственную жизнь».

В конце 1829 года Чаадаев окончательно редактирует «Философическое письмо № 1» и немедленно его рассылает по друзьям и знакомым в Москве и Петербурге.

Нам, конечно, интересно узнать, кто был адресатом первого письма, что это был за человек, из-за которого сотряслись религиозно-нравственные основы России? Может это, был некий демон-искуситель? Да нет, все было проще простого.

В конце 50-х годов 19 века к родовому поместью В. Д. Улыбышева подъехала простая телега, на которой сидела одноногая, убогая старуха. Перед хозяйкой поместья Варварой Александровной она униженно молила простить ее и просила пристанища. Как оказалось, она была тоже урожденная Улыбышева и являлась родной сестрой хозяина поместья. В замужестве звалась она Пановой Екатериной Дмитриевной.

Это та знаменитая московская экзальтированная барыня, которая в 1829 году написала своему знакомому отставному гусарскому офицеру, письмо, полное страстной тревоги

и мятежной тоски. Отставной гусар – П. Я. Чаадаев был знаком с Е. Д. Пановой с 1827 года и не раз бывал в доме молодой и красивой хозяйки, часто и подолгу беседовал с ней на философские и религиозные темы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.